

ОБ ОПАСНОСТЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ МОРСКОЙ ТОРГОВЛИ В ЭПОХУ ТАН

(КАЗУСЫ ГЕНОЦИДА АРАБО-ПЕРСИДСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ КИТАЯ 760 И 879 ГГ.)

ON THE DANGERS OF INTERNATIONAL
MARITIME TRADE IN THE TANG ERA
(THE INCIDENTS OF GENOCIDE OF THE ARAB-PERSIAN
POPULATION OF CHINA IN 760 AND 879)

© 2023 **Динара Викторовна Дубровская**

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института востоковедения РАН; доцент Государственного
академического университета гуманитарных исследований
(ГАУГН), Москва, Россия; distan@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-9372-6553

Dinara V. Dubrovskaya

PhD (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental
Studies RAS; Assistant Professor, State Academic University for
the Humanities (GAUGN), Moscow, Russia
distan@gmail.com. ORCID ID: 0000-0001-9372-6553

1 Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»). Настоящая публикация является дополненным и переработанным вариантом материала, опубликованного в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» (2020. № 2. С. 80–95).

The paper was prepared at the State Academic University for the Humanities within the framework of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2020-0001 “Historical and Cultural Traditions and Values in the Context of Global History”). This publication is a supplemented and revised version of the material published in the “Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences” (2020. No. 2. Pp. 80–95).

На закате империи Тан (618–907), общепризнанного «золотого века» императорского Китая, страна вступила в длинную полосу социально-политических и межэтнических кризисов. В исторической науке широко известен комплекс проблем, связанных с восстанием Ань Лушаня (755–763), знаменовавшим перелом в поступательном развитии династии, — эта цивилизационная катастрофа, затронувшая все аспекты функционирования дотоле мощной империи, стала началом угасания танского Китая. Однако практически не исследованными остаются несколько кризисов арабо-персидских сообществ, обосновавшихся на юге Китая и ставших жертвой отголосков восстаний Ань Лушаня и Хуан Чао (878–884), также ставившего целью положить конец династии Тан. Поэтому в «поверхностном востоковедении» и общественном сознании трагедии, происшедшие в Янчжоу и Гуанчжоу с разницей в чуть более века и выразившиеся в крупномасштабной резне иноземных купцов арабского и персидского происхождения, зачастую бывают вырваны из контекста и экстраполируются на всю систему взаимодействия Китая с иноземцами (в частности, с прибывавшими в порты Танской империи мусульманами из Передней Азии). Трудность исследования проблемы во многом связана с отсутствием свидетельств о гуанчжоуской резне в китайских источниках, за счет чего она известна науке только по сообщениям арабских авторов. Статья рассматривает предпосылки указанных инцидентов и показывает, что арабо-персидские коммерсанты были не только жертвами насилия со стороны восставших и местного населения, но и сами совершили рейд на Гуанчжоу в самом начале описываемых событий. Автор также предостерегает от упрощений, связанных с конфликтами в прибрежных городах Китая рассматриваемого периода, так как эпизоды времен заката династии Тан не распространяются на дальнейшую историю.

Ключевые слова: ислам в Китае, династия Тан, морская торговля, конфликтология, власть и насилие, Гуанчжоуская резня.

Для цитирования: Дубровская Д. В. Об опасностях международной морской торговли в эпоху Тан (казусы геноцида арабо-персидского населения Китая 760 и 879 гг.). *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 1. С. 190–204. DOI: 10.18254/S268684310025316-5

At the end of the Tang Empire (618–907), the universally recognized “golden age” of imperial China, the country entered a long period of socio-political and ethnic turmoil. The broader set of problems associated with the An Lushan uprising (755–763) is widely known — this civilizational catastrophe marked a turning point in the development of the dynasty and, by impacting all aspects of a powerful empire, caused the sun to start setting on Tang China. Still, many episodes remain relatively unexplored, among them the crises that befell Arab-Persian communities in southern China, which fell victim to the echoes of the An Lushan and Huang Chao uprisings (878–884), which also aimed to put an end to the Tang Dynasty. In layman’s Asian studies and public consciousness, the tragedies that occurred in Yangzhou and Guangzhou a little more than a century apart and took the form of largescale massacres of foreign merchants of Arab and Persian descent are often taken out of context and extrapolated to the entire system of interactions between China and foreigners — in particular, Muslims from West Asia arriving in the ports of the Tang Empire. This article seeks to place these dramatic events in a tighter historical context. Part of the difficulty here lies in the absence of Chinese sources about the Guangzhou massacre, known to researchers only from reports by Arab authors. The paper aims to consider some of the pre-requisites of these incidents, showing the role of Arab-Persian merchants not only as victims of violence by rebels and locals alike, but also by analyzing their own raid on Guangzhou at the very beginning of the events in question. The author also warns against simple projections around conflicts in China’s coastal cities because these sunset episodes of the Tang Dynasty do not extrapolate well to later history.

Keywords: Islam in China, Tang Dynasty, maritime trade, conflict management, power and violence, Guangzhou massacre

For citation: Dubrovskaya Dinara V. On the Dangers of International Maritime Trade in the Tang Era (The Incidents of Genocide of the Arab-Persian Population of China in 760 and 879). *Oriental Courier*. 2023. No. 1. Pp. 190–204. DOI: 10.18254/S268684310025316-5

По ряду причин три насильственных инцидента, происшедших в танском Китае на краю Великого Шелкового пути в VIII и IX вв., не привлекли большого внимания востоковедной науки, хотя самый вопиющий из них — гуанчжоуская резня арабских и персидских купцов — насчитывает по сообщениям арабских источников до 200 тысяч жертв. Подобное упущение во многом объясняется тем, что в китайских династийных историях крайне скупо освещались редкие случаи взаимодействия властей со сравнительно небольшими группами арабов и иранцев-мусульман, прибывавших торговать в морские порты. Поэтому такого рода случаи, в отличие от столкновений империи с северной кочевой периферией или с тюркским или монгольским миром, известны в большей степени по свидетельствам арабских мореходов. Именно последние оставили описания и самих купеческих анклавов — своего рода Ганзейской лиги, оперировавшей на юго-восточном побережье Китая, и трагедии, их постигшей. Казалось бы, урок истории, который предстоит рассмотреть, дает аналитику почву для вполне однозначных выводов о конфессиональной ситуации в Китае (как традиционном, так и современном). Но при более пристальном изучении может оказаться, что позиция, распространенная среди исследователей трагедий в Янчжоу и Гуанчжоу, излишне политизирована и не учитывает всех факторов, приведших к эскалации насилия на побережье китайских морей.

ПЕРВЫЕ МУСУЛЬМАНЕ В КИТАЕ

К Танскому времени в «Большом Китае» исторически сложились два типа исламских сообществ: так называемые *хуэй-хуэй* (или *хуэй*, *хуэйцзу*; 回族) и мусульмане нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) и других регионов северо-западного Китая. Последние принадлежат к тюркской этнолингвистической группе, не имеющей никакого отношения к сообществу *хуэй*. Ислам пришел в Западный край по Великому шелковому пути в середине X в., когда эту религию принял хан династии каракитаев Сатук Богра (922–955), а к XVI в. территория нынешнего СУАР была практически полностью исламизирована [Mi, You, 2004, p. 46].

История сообщества *хуэй*, в свою очередь, не имеет ничего общего с историей мусульманства Западного края (см., например: [Дубровская, 1998, с. 23; Камалов, 2017; Сюэ, 1992]). Многие исследователи ислама отмечали особенности этнической (само)идентификации мусульман-*хуэй*. В начале пребывания в Китае *хуэй* представляли собой вполне гомогенную группу, происходившую от сообществ мусульманских купцов, послов и иных путешественников, прибывавших в Китай из Персии и арабских стран в VII–VIII вв., во времена правления династии Тан². Волна мигрантов из мусульманского мира включала в себя людей различного этнического происхождения, но в основном арабов и персов. В свою оче-

2 Новая волна мусульман из Западной и Центральной Азии достигла берегов Великого канала во времена династии Юань (1271–1368). По большей части то были воины, ремесленники, ученые, рабы и торговцы, в массе своей передислоцированные в юаньский Китай монголами для оказания помощи в управлении завоеванной страной. Новые переселенцы, рассеянные по всей стране (особенно в северо-западном и юго-западных регионах) в форме небольших изолированных поселений-анклавов, существенно увеличили мусульманское население Поднебесной.

редь, Таны знали Аравию как Доши (多食; 多氏) [Чжан, 1992, pp. 144–145] и затем Даши (大食) и распространили этот этноним на всех арабоязычных пришельцев — так, послов аббасидского халифа к танскому двору в 758 г. обозначили как *хэйи даши* (黑衣大食; *даши* в черных одеяниях [Israeli, 2002, p. 291]). Людей же, прибывавших в Поднебесную с торговыми целями, называли «иностранными купцами» (*фаньшан*; 番商), и именно персидские и арабские негодцианты вели самые успешные коммерческие операции. Сыма Гуан упоминает в «Цзычжи Тунцзянь», что в начале 780-х гг., в годы правления танского императора Дэцзуна (德宗; правил: 779–805), в одной лишь столичной Чанъани было четыре тысячи таких иностранных купцов [ЦЧТЦ, 1956, цз. 232]. На тот момент *фаньшан* уже обитали в столице около полувека, были женаты на китайках и обзавелись имуществом. Вполне вероятно, что они оказали значительное влияние на торговлю в таких крупных коммерческих центрах на Великом Канале, как Янчжоу (в нынешней провинции Цзянсу), Цюаньчжоу (в нынешней провинции Фуцзянь) и, конечно, Гуанчжоу, имевший во времена Тан статус полупограничного форпоста.

Проживание значительного числа инородцев в массе китайцев, на виду у которых они накапливали богатство, при этом соблюдая мусульманские ритуалы и ведя привычный образ жизни, вызывало озабоченность конфуцианской бюрократии, использовавшей для этой категории населения и другое название — *маньяо* (蠻獠; южные варвары). Сановники опасались загрязнения китайского общества посредством смешанных браков, боялись, что скупка земли чужестранцами нанесет удар по отлаженной как часы танской системе землевладения, да и торговля как способ, которым новоприбывшие наживали богатство, никогда не была популярна в конфуцианском обществе, ориентированном на аграрные и чиновнические ценности. Китайские соседи люто завидовали заморским гостям и не доверяли им,

создавая тем самым естественную почву для вспышек насилия.

Описанный ход мысли объясняет, почему при определении причин трагических происшествий VIII и IX вв. вполне оправдано желание поставить во главу угла именно традиционную китайскую ксенофобию и общечеловеческую нелюбовь к чужим успехам. Попытаемся выяснить, не было ли у двух разделенных столетием всплесков насилия по отношению к китайским мусульманам более конкретных причин.

АРАБО-ПЕРСИДСКИЕ ТОРГОВЦЫ В ПОРТОВЫХ ГОРОДАХ ЭПОХИ ТАН

В танских династийных историях — как в «Цзю Тан-шу», так и в «Синь Таншу» — обнаруживается всего лишь два (пусть важных) блока упоминаний арабского присутствия в юго-восточном Китае. Первый описывает захват арабами и персами Гуанчжоу в рамках совершенного ими набега 758 г. [ЦТШ, 1987, цз. 10, л. 253; цз. 15, л. 5313; СТШ, 1975, цз. 6, л. 161; цз. 221, л. 6259]. Второй же повествует об избиении правительственными войсками, захватившими и разграбившими город Янчжоу, «нескольких тысяч» арабских и персидских купцов в 760 г. [ЦТШ, 1987, цз. 110, л. 3313; цз. 124, л. 3533; СТШ, 1975, цз. 141, л. 4655; цз. 144, л. 4702]. Но где же свидетельства об ужасающей количестве жертв гуанчжоуской резне? Именно о ней китайские источники молчат.

Отдельный интерес вызывает тот факт, что **династийные истории объединяют персов и арабов в единую монолитную группу**. Скорее всего, это объясняется обычной для китайцев (которых, кстати, с эпохи Тан называли в остальном мире «танцами») неразборчивостью в иностранцах; *босы* (персы) и *даши* (арабы; этот уже упоминавшийся этноним произошел от того же названия аравийского племени, что и слово «таджик» [Dillon, 2013, p. 13]) в их восприятии путались — ведь эти слова относились к людям, обитавшим в далеких странах, а не к со-

седам, жившим и торговавшим среди местного населения³.

В нашу коллекцию именовании иноземных купцов в танском Китае следует добавить и термин ху (胡), под которым обычно понимали персов (но и тибетцев, и тюрков, и других степных кочевников). По-прежнему имело хождение и слово *фань*, передававшееся тремя взаимозаменяемыми иероглифами (番, 蕃 или 藩 — с ключом «вода»), использовавшееся для обозначения варваров — иностранцев, иноземцев, обнаруживаемых в портовых городах, и вообще чужаков. Из этих терминов складывались и слова-портманто: «гости-фань» (*фанькэ*; 番客) и «купцы-ху» (*хушан*; 胡商) [Schafer, 1951, p. 413; Abramson, 2008, pp. 18–19; 130–131], включавшие в себя купцов из Западной Азии, торговавших в китайских портах⁴.

Этнонимической путанице способствовало и то, что персы и арабы занимались в Китае одним и тем же — международной морской торговлей. Кроме того, в течение века, последовавшего за победой арабов-Аббасидов над иранцами-Сасанидами в середине VII в., в Иране был запущен процесс исламизации, и к середине IX в. подавляющее большинство персов уже обратились в ислам [Bulliet, 1979, pp. 16–32]. Торговлей по морю активно занималось и вассальное государство Аббасидов в восточном Иране — мусульманская империя Саманидов (819–999) [Schafer, 1951, pp. 404–405; Hasan, 1928]. Свидетельства симбиоза между арабами и иранцами мы получаем с самого начала аббасидского периода: автор знаменитой энциклопедии «Тундянь» Ду Ю пишет, что «в Даши (зд. в Аббасидском халифате. — Д. Д.) арабы и персы перемешаны и живут

вместе» (大食波斯參雜居止)⁵. На практике это означало, что, отправляясь в Китай по морю, арабские и персидские купцы путешествовали на персидских кораблях [Hall, 1985]. Таким образом, количество арабов в Китае, безусловно, росло — в рамках монолитного арабо-иранского сообщества.

Совершенно иное описание купцов-мусульман в Кантоне дают авторы «Описания Китая и Индии» («Ахбар ас-Син ва-ль-Хинд») [Abu Zayd, 2017]. Труд представляет собой собрание трех работ разных авторов, в 916 г. объединенных в одно «описание» мореплавателем и автором травелога Абу Зайдом ас-Сирафи. В одной части, например, рассказ идет от лица безымянного купца, побывавшего в Индии и в лучших традициях арабских сказок передающего слушателям рассказ о Китае другого торговца по имени Сулейман: «Купец Сулейман рассказал, что в Каньфу (Khānfū⁶), где встречаются купцы, существовал мусульманин, назначенный правителем Китая для урегулирования разногласий, возникающих между мусульманами, приезжающими в эти края, и китайский царь не допускал инога» [Abu Zayd, 2017, p. 31].

Отметим, что сам факт наличия торговли между танским Китаем и Аббасидским халифатом поразителен. Опасный и сложный морской путь, связывавший Басру с Гуанчжоу, насчитывал более 10 тыс. км, однако при Аббасидах этот маршрут не только существовал, но и процветал, чему не в последнюю очередь способствовало существование арабского корабля *дау* (иначе: *дхау*; *доу*), известного в Юго-Восточной Азии как «куньлуньский корабль». Вплоть до XI в. дау был единственным видом морского судна, спо-

3 Путаница царила не только в головах средневековых китайских обывателей. Как показывает в блестящем выступлении американский сатирик иранского происхождения Маз Джобрани, схожие сложности испытывают и современные американцы. См., например: Jobrani M. Persian Cat. *Youtube*. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=WwHOBJoASsM> (accessed 09.03.2023).

4 Существовали и другие этнонимы, использовавшиеся для обозначения иностранных купцов, включавшие слог «мань» (蠻), означавший неханьское население южного Китая ([южные] варвары наньмань — 南蠻) и «ляо» (獠), относившийся к населению стран Юго-Восточной Азии.

5 [Ду Ю (杜佑)]. *Тундянь* (通典; *Свод сочинений обо всем*). Цз. 193. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/通典/卷193> (accessed 08.03.2023).

6 Так арабы называли Гуанчжоу (Кантон). См., например: [Chaffee, 2018, p. 18].

собного на подобные путешествия [Manguin, 1993].

В 1998 г. у берегов острова Белитун между Суматрой и Борнео были обнаружены останки кораблекрушения дау (т. н. Белитунское кораблекрушение), датированного 826 г. и, с учетом преобладающе китайского груза, явно направлявшегося из Китая [Flecker, 2000]. В 2013 г. весьма хорошо сохранившийся дау был найден в тайской провинции Самутсакхон на северной оконечности Сиамского залива (т. н. Пханом-Суринское кораблекрушение) [Guu, 201, pp. 179–196]. Корабль с уцелевшими до наших дней деревянным каркасом, обшивкой, канатами и шпаклевкой, позволившими датировать находку VIII в., обнаружили в мангровом болоте. Карго судна в основном состояло из керамики, происходившей из Гуандуна, Таиланда и с побережья Персидского залива. Обнаруженное на одном персидском сосуде личное имя «Яздбозед», принадлежавшее либо кому-то из купцов, либо производителю керамики, — самая ранняя надпись, выполненная пехлевийским письмом, зафиксированная на юге, юго-востоке и востоке Азии, своего рода символ иранской торговли и всего персидско-китайского обмена в этих регионах [Guu, 2017, p. 181]⁷.

Благодаря таким образом налаженной торговле персидские купцы в танском Китае считались, во многом заслуженно, богачами, а также ассоциировались с поисками ценного жемчуга, которому обе культуры приписывали магические свойства (вспомним устойчивую ассоциацию перс → маг) [Schafer, 1951, p. 415].

ДВА МОДУСА УПРАВЛЕНИЯ ПОРТОВЫМ ГОРОДОМ НА ПРИМЕРЕ ГУАНЧЖОУ

К сожалению, мы не располагаем инструментами для определения объема и оценки торговли между китайскими портами и Персидским зали-

вом в танские времена; известны лишь некоторые «кейсы». Так, глава (с 769 г.) администрации Гуанчжоу Ли Мянью (李勉; 715–786) решительно заявил, что таможня взяток не берет, после чего количество прибывающих в порт кораблей немедленно увеличилось от четырех-пяти в год до более сорока [ЦТШ, 1987, цз. 81, л. 3635; СТШ, 1975, цз. 81, л. 4507–4508]. Интересно, что этот взлет произошел во времена, когда город-порт все еще не до конца оправился от последствий арабо-персидского налета 758 г., о котором пойдет речь ниже.

Теоретически центральные власти не имели официальной юрисдикции над *реальной* внешней торговлей (не проходившей по линии псевдоданнических отношений), но администрация Тан все равно следила за торговлей в значительно большей степени, чем центральные власти стран Ближнего Востока. В развитии международного обмена через южные моря большее значение имели действия губернаторов Гуанчжоу, тогда как сношения же с Кореей и Японией проходили по большей части через Янчжоу. Конкретно морскую торговлю курировали «ответственные за торговлю с иностранными судами» (*шибо ши*; 市舶使), чаще всего относившиеся к сословию евнухов [Wang, 1991; Schottenhammer, 2016, pp. 153–154]. Евнухи представляли императорский двор, заинтересованный в прибывающих морем предметах роскоши, и были печально известны вымогательствами и коррумпированностью [Schafer, 1967, p. 77]. Вовлеченность евнухов в торговые дела была столь велика, что Абу Зайд называет их «правителями Гуанчжоу» наряду с официальными сановниками [Abu Zayd, 2017, pp. 45–47].

Тем не менее импорт товаров в Китай морем представлялся иностранцам хорошо организованным, а режим торговли благоприятным. Это подтверждает описание того же Абу Зайда: «Как только морские купцы прибывают в гавань, китайцы берут на себя ответственность за их то-

⁷ См. также: A visit to the Phanom Surin Shipwreck site, Samut Sakorn Province. *SEAArch (Southeast Asian Archaeology)*. URL: <https://www.southeastasianarchaeology.com/2015/03/16/a-visit-to-the-phanom-surinshipwreck-site-samut-sakorn-province/> (accessed 09.03.2023).

вар и перевозят его на склады, давая гарантию сохранности на срок до шести месяцев... Затем три десятых забирают натурой как пошлину, а остальное возвращается купцам. Если правителю нужен какой-то товар, он забирает и его, но дает высочайшую цену и платит немедленно, то есть не приносит убытка торговцу. К покупаемым товарам относятся камфара, стоящая пятьдесят *факкуджей* (*fakkūj*) за маунд⁸, *факкудж* же равен тысяче медных монет. Та же самая камфара, если бы ее не купил правитель, стоила бы на открытом рынке лишь половину этой цены» [Abu Zayd, 2017, pp. 45–47].

При этом китайские свидетельства того времени более критично настроены к местным властям и евнухам. Так, указ императора Вэньцзуна (文宗; 809–840, правил: 827–840) от 834 г. гласит: «Иностранные корабли из Южных морей прибывают из отдаленных стран, ожидая от нашего государства благожелательного отношения. Поэтому иностранцы должны, конечно же, получать добрый прием, чтобы они могли испытывать к нам благодарность. Мы слышим, напротив, что в последние годы местные власти склонны накладывать на них избыточные пошлины, и... в других странах раздаются голоса отторжения. Что и говорить: мы настаиваем на экономной жизни, полной воздержания. **Зачем нам желать завбавных иноземных вещей?** Мы испытываем глубокое сожаление, что иноземцы так огорчены, и даже чувствуем, что нынешний объем налогообложения для них слишком тяжел. Мы должны проявить к ним снисходительность, чтобы вызвать в этих народах добрые чувства. Иноземцам, живущим в Линнани⁹, Фуцзяни и Янчжоу, наместники этих провинций обязаны предложить утешение и не должны налагать дополнительных поборов сверх установленных анкерных пошлин, дворцовых закупок и обычных подарков, позволяя им свободно заниматься торговлей»¹⁰.

Обоснованные сомнения в том, что даже столь взвешенный взгляд на ситуацию из центра вряд ли мог заставить чиновников на «фронтире» взять под козырек, подтверждаются конкретными свидетельствами. Так, военный губернатор Линнани Ван Е (王鏐) «по прибытии торговых судов из западных и южных морей скупал все товары, приносящие прибыль, за счет чего собственность его семьи превосходила официальную казну. Каждый день он посылал более десяти лодок, заполненных рогом, слоновой костью, жемчугом и раковинами, которые покупал под видом казенного товара на протяжении всех сезонов без остановки» [ЦТШ, 1987, цз. 151, л. 4060].

Иностранцы, пускавшие корни в Кантоне, жили в специально отведенном для них квартале. Но вступавшие в смешанные браки мигранты отнюдь не были в восторге от жизни в гетто. В биографии того же бессовестного Ван Е говорится, что «гуанчжоуцы и иностранцы (*и-жэнь*; 夷人 — «восточные варвары») вместе обитали [в иностранном квартале]. [Но] по причине того, что земля была нехорошей, они стремились жить в окрестностях рынка на реке» [ЦТШ, 1987, цз. 151, л. 4060; СТШ, 1975, цз. 170, л. 5169].

Однако не все следовали примеру Ван Е. В «Цзю...» и «Синь Тан шу» содержится мало отличающаяся в деталях биография чиновника Люй Цзюня (盧鈞), прибывшего в Гуанчжоу на пост военного губернатора в 836 г., через поколение после Ван Е. Хроники рассказывают, что поначалу Люй покончил с коррупцией и правил по совести, чем быстро завоевал симпатию иностранных негодяев. Но через некоторое время он счел ситуацию в Гуанчжоу неприемлемой: китайцы здесь жили бок о бок с иностранцами, были распространены смешанные браки, иноземцы скупали в окрестностях рисовые поля и строили дома, а при попытке начальства вмешаться смешанные сообщества единым фронтом поднимали восстания. Тогда в ответ Люй ввел

8 Традиционная индийская мера веса, равная около 11,3 кг.

9 Линнань (嶺南) — историческое название юго-восточного Китая, областей нынешних провинций Гуандун, Гуанси и северного Вьетнама. Цит. по: [Jitsuzō, 1928, p. 13].

законы, принуждавшие иностранцев селиться отдельно в специальном «чужом» квартале (*и-чу*; 異處), и запретил им брать в жены китайок (что не возбранялось на общегосударственном уровне¹⁰), приобретать землю и строить дома [ЦТШ, цз. 177, л. 4591–4592; СТШ, цз. 182, л. 5367].

НАЛЕТЫ ПЕРСИДСКИХ И АРАБСКИХ ОТРЯДОВ НА ГУАНЧЖОУ В 758 Г.

Как следует из вышесказанного, ситуация в портовых областях Китая была далека от идиллической. В отличие от Янчжоу, речь о котором пойдет ниже, Гуанчжоу был далек от бушевавших восстаний, а основные чаяния центрального правительства касались именно возвращения под скипетр империи столицы (при помощи тибетских и уйгурских войск). Поэтому и рейд арабо-персидских налетчиков 758 г. не вызвал сколько-нибудь заметной реакции помимо кратких упоминаний в обеих «Тан шу».

В конце сентября 758 г., в первый год правления танского императора Суцзуна (肅宗) под девизом Цяньюань (乾元), на Гуанчжоу совершили налет сводные отряды персов и арабов. Согласно все тем же официальным хроникам, рейдеры разграбили город, сожгли склады и запасы и ушли назад морем [ЦТШ, 1987, цз. 15, л. 5313; СТШ, 1975, цз. 221, л. 6259]. «Цзю Тан шу» представляет нападавших как войска уже знакомых нам *даши* (大食; Аравии) и *босы* (波斯; Персии) и уточняет, что налет произошел, после того как градоначальник Вэй Лицзянь (韋利見) исчез в неизвестном направлении: «[Чиновники из] Гуанчжоу вспомнили, что солдаты из стран Аравии и Персии осадили город, а... Вэй Лицзянь оставил город и скрылся» [ЦТШ, 1987, цз. 10, л. 253–254]. Из менее информативных анналов «Синь Тан шу» мы просто узнаем, что арабы и персы разграбили (*коу*; 寇) Гуанчжоу [СТШ, 1975, цз. 6, л. 161]. Далее источник уточняет, что в набеге (*си*; 襲) персы последовали за

арабами [СТШ, 1975, цз. 15, л. 5313; цз. 221b, л. 6259]. Все записи сходятся на том, что это был именно набег, а не целенаправленный захват города.

Кем же были люди, в десятках тысяч километров от далекой родины сумевшие взять штурмом один из крупнейших городов танского Китая (пусть и ненадолго)? Историки и источники видят в них, например, далекую проекцию недавно образованного Аббасидского халифата — предполагается, что халиф мог послать арабские войска в помощь проигравшему битву при Таласе Го Цзы-и (697–781), чтоб помочь подавить восстание в Центральной Азии, те же каким-то образом добрались до восточных берегов Китая; допускают и побочный эффект увеличившейся торговой активности, последовавшей за конституированием Багдада как столицы халифата в 750 г. [ЦТШ, 1987, цз. 10, л. 253]. Оба эти предположения, однако, малообоснованны, ибо не отвечают на главный вопрос: каким образом агрессоры могли добраться до китайского побережья. Маловероятна и третья версия, предполагающая, что набег осуществили местные окитаившиеся иноземцы в рамках некоего городского бунта: рейд был именно целенаправленным грабежом, а не погромом. Эта версия полагает нападавших сообщниками оперировавшего с юга острова Хайнань независимого военачальника, пиратского главаря Фэн Жофана (馮若芳), баловавшегося захватом и порабощением персидских мореходов [Шефер, 1981, с. 31, прим. 77]. Однако неизвестные налетчики могли быть и простыми купцами, которых разъярили притеснения местных властей или другие несправедливости в отношении их «бизнеса» (отсюда поджоги складов). Этот инцидент представляет собой **первое упоминание арабов в танских официальных источниках**, некий флажок, отмечающий начало бурной и противоречивой эпохи грандиозного коммерческого обмена между странами Западной и Восточной Азии.

10 Напротив, указ императора Тайцзуна (598–649) от 628 г. гласил, что всем иностранным послам разрешено жениться на китайках (*хань фунюй*; 漢婦女), но нельзя увозить их с собой на родину [Ван Пу, 1968, цз. 100, л. 1796].

Впрочем, каким бы ни было происхождение налетчиков, рейд положил начало кризису, которому было суждено охватить торговлю в Гуанчжоу. Благоденственные времена губернатора Ли Мян (при котором количество кораблей доходило до сорока в год) были исключением из куда менее радужной закономерности, подтверждаемой, например, событиями 763 г., когда евнух, владевший комиссией по морской торговле, избавился от военного губернатора провинции и отдал город на разграбление своим головорезам [Wang, 1958, p. 81]. Через десять лет, в 773 г., его преемника убил подчиненный офицер, после этого три года безраздельно хозяйничавший в городе. Порядок восстановили, лишь когда возглавлявший восьмитысячный отряд генерал Лу Сыгун (路嗣恭) вернул Кантон под юрисдикцию центрального правительства и казнил десять тысяч «друзей-предателей» самозванца. Не забыл генерал и о купеческом сообществе, повелев казнить членов экипажей торговых кораблей (*шанбо чжи ту*; 商舶之徒), помогавших бунтовщикам, и конфисковав оцененное в несколько миллионов связок монет имущество купцов (деньги эти генерал присвоил, а не отправил в столицу, чем вызвал недовольство императора, в наказание *никак не наградившего* победителя за военные успехи) [ЦТШ, 1987, цз. 122, л. 3500; СТШ, 1975, цз. 138, л. 4624; Wang, 1958, p. 81].

Совсем не удивительно, что подобные эксцессы не пошли на пользу репутации Гуанчжоу как порта, открытого иностранной торговле, в результате чего «центр силы» переместился в Аннань (Ханой), также входивший в тогдашние пределы империи и ставший любимым портом заморских купцов. В 792 г. последовала переписка между губернатором Гуанчжоу, просившим императора закрыть рынки Аннана и распорядиться вернуть торговлю в Кантон, и императором. Поначалу государь склонялся к тому, чтоб согласиться с инициативой губернатора, но под влиянием министра Лу Чжи (陸贄), сочинившего редкую для китайской государственной мысли оду свободной торговле, отказался дискри-

минировать «молодой» вьетнамский портовый город [ЦТШ, 1956, цз. 234, л. 7532–7533]. Нам неизвестна в подробностях судьба Аннаньского порта, но Гуанчжоу уцелел: по свидетельству Абу Зайда, его доходы еще долгое время сохранялись и даже приумножались. Затем случилась резня 879 г.

РЕЗНЯ ПЕРСОВ И АРАБОВ В ЯНЧЖОУ В 760 Г.

Итак, времена поздней Тан в истории мусульманских сообществ в Китае выделяются особым драматизмом. Мы имеем дело с тремя откровенно травматичными происшествиями: 1) с описанным выше арабо-персидским рейдом в Гуанчжоу (758 г.); 2) с резней персов и арабов, происшедшей в городе Янчжоу (до 625 г. — Гуанлин, 廣陵; в нынешней провинции Цзянсу, почти в 100 км к северо-востоку от Нанкина) в 760 г., и 3) с крупномасштабным избиением мусульман, христиан и зороастрийцев в Гуанчжоу в 879 г. Несмотря на то, что ощутимой связи между событиями 758 и 760 гг. не наблюдается, оба они имели место во время знаменитого восстания генерала Ань Лушаня (安祿山; 703–757), сотрясавшего империю Тан с 755 по 763 гг. и представлявшего реальную угрозу обрушения династии. Конечно же, основной ареной восстания был север Китая, пик же пришелся на захват в 755 г. столицы — Чанъани и на побег императора Сюаньцзуна (玄宗; 685–762; правил: 712–756 гг.) с придворными в Сычуань. Эхо войны прокатилось по всей империи, с готовностью погружившейся в хаос: восстание дало толчок множеству локальных выступлений, в особенности после убийства мятежного генерала, и все эти социальные встряски, конечно, не могли не ослабить центральное правительство и страну на всех мыслимых уровнях [Schafer, 1951, p. 403; Wang, 1958, p. 60; 124–127].

Резня в Янчжоу стала результатом описанного веера восстаний, ибо произошла, когда так называемые правительственные войска, высланные для подавления очередного возмущения, под

руководством Лю Чжана (劉展) заняли Янчжоу и, захватывая город, устроили грабеж и резню персидских и арабских купцов [Peterson, 1979, p. 482; Chaffee, 2018, p. 31].

В четырех существующих отчетах, обнаруживаемых в биографиях двух танских военачальников, руководивших подавлением местного восстания, присутствуют заметные расхождения. В содержащейся как в «Старой», так и в «Новой истории [династии] Тан» биографии одного из них, Чжэн Цзиншаня (鄭景山), сказано, что «были убиты несколько тысяч арабских и персидских купцов» [ЦТШ, 1987, цз. 110, л. 3313; СТШ, 1975, цз. 141, л. 4655; цз. 144, л. 4702]. В обеих же биографиях другого генерала — Ма Шэнгуна (馬神功) говорится, что погибли лишь персидские купцы [ЦТШ, 1987, цз. 141, л. 3533; СТШ, 1975, цз. 144, л. 4702]. Куда же подевались арабы? Судя по всему, источники отражают устоявшуюся особенность персидского сообщества Янчжоу, куда арабы добавились лишь незадолго до описываемых событий.

Как бы то ни было, в 760 г. выходцы из Ирана получили удар в самое сердце своего поселения. Однако уже в IX в. мы располагаем свидетельством о скромном продолжении существования персидского сообщества в Янчжоу. Японский буддийский монах Эньнин (или по-китайски Юаньжэнь; 圓仁), описывает в дневнике путешествие в Китай и сообщает, что в 839 г. «Персидское государство» (Босыго; 波斯國) пожертвовало одну тысячу связок монет (из десяти тысяч необходимых) в ответ на официальную просьбу о выделении фондов на ремонт балкона в янчжоуском буддийском храме [Enpin, 1955, pp. 69–70]¹¹.

Итак, острие случившегося конфликта было направлено на иностранных торговцев. Призванные расправиться с повстанцами войска, вторгшись в процветающую торговую область, решили расправиться заодно и с пришельцами, виноватыми в двух неоспоримых прегрешениях: они были варварами и имели деньги.

Но и у местных жителей был счет к «народам моря»: арабо-персидские купцы не просто развернули операции в торговых факториях вдоль всего Великого канала, но и стали доминировать в коммерческой деятельности этой важнейшей деловой артерии страны. Не удивительно, что местное население с готовностью присоединилось к избиению заморских гостей.

УНИЧТОЖЕНИЕ ИНОЗЕМЦЕВ-МУСУЛЬМАН В ГУАНЧЖОУ В 879 Г.

Прошло чуть более ста лет, и ситуация на Великом Канале постепенно вернулась к первоначальному состоянию. Разве что ренессанс коммерческой активности пришельцев с Ближнего Востока ассоциировался теперь с процветающим портом Гуанчжоу, но и тут снова задавали тон арабские и персидские торговцы, финансово господствовавшие в этом золотом регионе, издавна открытом заморским кораблям и экзотическим товарам.

Китайцы не без основания полагали, будто династию Тан ослабил наплыв иностранцев, но взгляд их был направлен не в ту сторону: гораздо большую опасность, чем купцы из Ирана и арабских стран, представляли другие «по профессии» выходцы из «варварских» народов. К ним относился и упоминавшийся выше Ань Лушань, согдиец по происхождению, и десяток других военачальников-тюрков, которых Тан использовала на высоких должностях региональных военных губернаторов-цзедуши, и тысячи их воинов — все они сыграли в истории династии приблизительно такую же роль, как Аттила и его гунны в судьбах Римской империи. Однако ксенофобия, безусловно, присутствовавшая в отношении всевластных согдийских и тюркских цзедуши и их конников, не имела простого насильственного выхода, в отличие от легко представлявшейся возможности тиранить мирных негоциантов.

11 Использование японским монахом иероглифа 國 не должно смущать: речь, конечно же, не шла о «государстве» Иран, скорее всего, имелось в виду персидское «комьюнити» Янчжоу в целом.

Подобно 758 и 760 гг., резня снова пришлась на времена общенационального кризиса, вызванного восстаниями Ван Сяньчжи (王仙芝; восстание 874–878 гг.) и Хуан Чао (黃巢; восстание 878–884 гг.), вознамерившегося наконец-то отобрать у династии Тан Небесный мандат на правление. При этом Гуанчжоу стал чуть ли не случайной жертвой восставших: когда Хуан Чао приблизился к городу в начале лета 879 г., пройдя огнем и мечом весь Китай с севера на юг, его войска находились в конце долгого пути, и их преследовали превосходящие правительственные силы, в течение девяти месяцев гнавшие повстанцев на юг от Хэнани. После того как военный губернатор Гуанчжоу Ли Тяо (李迢) отказался сдать город, Хуан взял Кантон приступом и пустил его на поток и разграбление. Ворвавшись в город и заручившись поддержкой местного населения, головорезы Хуан Чао принялись грабить и убивать и истребили тысячи арабских, персидских, еврейских и зороастрийских (парсов и маздаистов) торговцев и христиан восточно-христианского («несторианского») толка, успевших значительно обогатиться за годы торговых операций в процветающем портовом городе (см., например, [Кузнецов, 1996, с. 50]), попутно уничтожая их товары и имущество. Все тот же Абу Зайд Ас-Сирафи доводит количество уничтоженных в гуанчжоуской резне до двухсот тысяч. Удивительно, что как «Старая», так и «Новая история [династии] Тан» умалчивают об этом кровопролитии, хотя и упоминают, что Хуан Чао занял Гуанчжоу в 978 г. и отступил оттуда на следующий год по причине эпидемии чумы [Sharifo, 2001, p. 8]. Судя по всему, риторика Хуан Чао снова совпала с популярными представлениями о том, что упадок Тан и сопутствующие невзгоды вызывались присутствием на китайской земле алчных иноземцев.

Записи об этих трагических событиях обнаруживаются всего у четырех средневековых арабских авторов, из которых наиболее ценные

свидетельства принадлежат перу Абу Зайда и Аль-Масуди (896–956). Документ Абу Зайда написан раньше (около 914 г.) и более подробен [Levy, 1961, pp. 109–121].

Рассказав о Хуан Чао и о причинах восстания, Абу Зайд продолжает: «Со временем, когда его военная мощь, размер войск и жажда власти выросли, он проследовал к великим городам Китая, среди которых оказался Ханьфу (Гуанчжоу. — Д. Д.): этот город — место прибытия арабских купцов, он лежит в нескольких днях пути от моря на большой реке, где течет пресная вода. Поначалу жители Ханьфу держались против него, но он обложил их длительной осадой, было это в 264 году [по Хиджре], пока, наконец, не взял город и не предал его жителей мечу. Знаточи китайских дел сообщали, что число мусульман, евреев, христиан и зороастрийцев, вырезанных им, помимо местных китайцев, составило 120 тысяч; все они некогда поселились в этом городе и были в нем купцами. Сколько в этих четырех группах было жертв, известно только потому, что сами китайцы вели учет их количества. Хуан Чао также срубил все деревья в Ханьфу, включая тутовник (об этом дереве мы упоминаем отдельно, потому что китайцы используют его листья как фураж для шелковичного червя); в результате шелковичные черви погибли, а это уже привело к тому, что шелк пропал из арабских земель» [Abu Zayd, 2017, pp. 67–69; Levy, 1961, pp. 113–114].

Аль-Масуди пишет практически то же, но доводит количество погибших до «потрясающего количества» — 200 тысяч. Повторяет он и свидетельство об уничтожении Хуан Чао шелковичных плантаций — о мере, нацеленной на разрушение китайской торговли шелком с «мусульманскими странами»¹².

Возможно, большинство историков не подвергают сомнению число погибших, приведенное Абу Зайдом (120 тысяч), потому что источник ссылается на китайский ценз. Однако и эта цифра, и еще большая цифра,

12 Абуль-Хасан Али ибн аль-Хусейн аль-Масуди. Золотые копи и россыпи самоцветов (*Muruj al-dhahab wama'adin al-jawahir*). Vol. I. Pp. 302–305. Цит. по: [Schottenhammer, 2016, pp. 135–136].

приводимая Аль-Масуди, скорее всего, сильно завышены. Во-первых, ни из каких современных источников не следует, что в Гуанчжоу проживало в тот период столь значительное количество переселенцев с Запада. Во-вторых, на рассматриваемом нами временном отрезке подобные цифры сопоставимы с населением крупнейших мировых городов. В-третьих, единственная доступная нам статистика танского периода — упомянутое выше вековой давности свидетельство о ежегодном прибытии в Гуанчжоу сорока кораблей (что, как мы указывали, было скорее исключением из правила). Даже если прибавить к количеству людей, приплывавших на этих сорока кораблях, некоторое количество мигрантов, пустивших корни в Китае и проживавших в соответствующих кварталах, набрать из них 120–200 тысяч достаточно сложно.

Сказанное отнюдь не отменяет грандиозного размаха трагедии, случившейся по (не) милости Хуан Чао и его головорезов. Абу Зайд описывает, как китайские власти безуспешно обратились за помощью в подавлении восстания к правителю тюрок Тагазгазу, и вновь возвращается к проблемам международной торговли «Тогда [китайцы] протянули руки... чтобы притеснить тех [иностранцев] купцов, которые совершали путешествия, чтобы с ними торговать. И в этом была тирания и насилие по отношению к арабским капитанам и владельцам судов. Они принудили купцов [делать вещи], не предполагавшиеся [законом], и насильно лишили их имущества. Они узаконили то, что до сих пор не разрешалось в рамках их деятельности. Тогда Бог, да возвеличится имя Его, полностью лишил их своего благословения. И море отказало в своих берегах [путешественникам], и по повелению Всемогущего, да будет благословенно имя Его, запустение постигло капитанов кораблей и водителей [купеческих отрядов до] Ширафа¹³ и Омана» [Levy, 1961, p. 115].

ОБ ОШИБОЧНОЙ ЭКСТРАПОЛЯЦИИ И ПОСПЕШНЫХ ВЫВОДАХ

Итак, мы не располагаем возможностью соотнести показания арабских источников с показаниями источников китайских. Однако первых достаточно, чтобы сполна осознать чувства ужаса и утраты (в том числе материальной, весьма ощутимой для торгового человека), испытанные заморскими купцами. В результате трагедии и арабо-персидские, и многие другие негоцианты перенесли свои торговые операции с китайских берегов в порты Юго-Восточной Азии. Избегание арабских купцов положило начало долгому переходному периоду, в результате которого статус и форма мусульманских сообществ в Китае решительно переформулировались, породив совершенно иные практики и параметры существования. Торговля из Передней Азии снова вернулась на многоступенчатые сухопутные маршруты, количество кораблей, пересекавших моря, чтобы достичь берегов Китая, практически сошло на нет.

Роль купцов из Западной Азии в период Тан в целом представляется совершенно особой. Будучи основными посредниками в приносящей огромные выгоды торговле, поставлявшей на китайский рынок (в особенности ко двору) основные экспортные предметы роскоши и поддерживая спрос на китайский фарфор и керамику, они до поры пользовались достаточно благосклонным отношением правительства, что предоставило им возможность осесть в Гуанчжоу и процветать не только там, но и в городах вроде Янчжоу. Однако это процветание всегда находилось в заложниках у волюнтаризма и коррумпированности местных сановников: иноземные коммерсанты зачастую становились объектами (а порой и проводниками) насилия со стороны тех или иных вооруженных отрядов, к которым было не прочь примкнуть и местное население. Корни подобной ситуации были и во

13 Шираф, или Сираф — несуществующий ныне порт в Иране в 200 км к югу от Шираза. См. [Шефер, 1981, с. 26; Whitehouse, 1970].

«фронтирном», полукOLONиальном статусе Кантона в рамках империи Тан: с одной стороны здесь бесчинствовали представлявшие императорский дом евнухи, главные потребители импортных предметов роскоши, с другой — велика была вероятность военизированных эксцессов, метастазов как антиправительственных восстаний, так и перегибов в реакциях на них.

Как видно, антипатия, вызванная богатством и инакостью многочисленных торговцев из-за моря, оставалась одним из решающих факторов; каким бы мультикультурным ни был ландшафт портовых городов южного Китая, ксенофобии и неприязни к «варварам» он не отменял, наоборот, упрощая выбор жертвы при любом мощном возмущении, неизбежно сопровождающим цепь событий, ведущих к закату династии и грядущей передаче Небесного мандата. Тем не менее экстраполировать описанную ситуацию на всю историю приморской торговли средневекового Китая и тем более на всю китайскую историю, сколь бы она ни была полна насилия и драматизма¹⁴, не стоит: ситуации, возникавшие на закате Тан, в последовавший период династии Сун (960–1279) уже не воспроизводились, и побережье Китая уже не видело подобных вспышек насилия против иностранных купцов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ван Пу. *Тан хуэйяо* (唐會要; *Собрание важнейших сведений о [династии] Тан*). Тайбэй: Тайвань шан'у иньшугуань, 1983. Т. 2. 2006 с. [*Tang Huiyao (Institutional History of Tang Dynasty)*]. Taipei: Taiwan shangwu yinshuguan, 1983. Vol. 2. 2006 p. (in Chinese)].

Дубровская Д. В. *Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в.* М.: ИВ РАН, 1998. 202 с. [*Dubrovskaya D. V. The Destiny of Xinjiang. China Acquires the "New*

Frontier" at the End of the 19th Century. Moscow: IOS RAS, 1998. 202 p. (in Russian)].

Камалов А. *Тюрки и иранцы в Танской империи*. Алматы: Мир, 2017. 384 с. [*Kamalov A. Turks and Iranians in the Tang Empire*. Almaty: Mir, 2017. 384 p. (in Russian)].

Кузнецов В. С. *Ислам в политической истории Китая*. Ч. 1. VIII в. – 60-е гг. XIX в. М.: ИДВ РАН, 1996. 569 с. [*Kuznetsov V. S. Islam in the Political History of China*. Pt. 1. 8th C. – the 60^s of the 19th Century. Moscow: Institut Dalnego Vostoka RAN, 1996. 569 p. (in Russian)].

СТШ — *Синь Тан шу* (新唐書; *Новая история династии Тан*). Сост. Оуян Сю (歐陽修). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1975. 898 с. [*Xin Tang Shu (New History of the Tang Dynasty)*]. Ouyang Xu (Comp.). Beijing: Zhonghua shuju, 1975. 898 p. (in Chinese)].

Сюэ Цзунчжэн (薛宗正). *История тюрков (Туцзюэ-ши; 突厥史)*. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1992. 808 с. [*Xue Zongzheng. The History of Turks*. Beijing: Zhongguo shehui kexue chuban she, 1992. 808 p. (in Chinese)].

ЦТШ — *Цзю Тан шу* (舊唐書; *Старая история династии Тан*). Сост. Лю Сюй (劉煦) и др. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1987. 33072 с. [*Jiu Tang Shu. Old History of the Tang Dynasty*]. Liu Xu et al (comp.) Beijing: Zhonghua shuju, 1987. 33072 p. (in Chinese)].

ЦТЦЦ — *Цзычжи туницзянь* (資治通鑒; *Всеобщее зеркало, управлению помогающее*). Сост. Сыма Гуан (司馬光). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1956. 9804 с. [*Zizhi Tongjian; Comprehensive Mirror in Aid of Governance*]. Sima Guang (Comp.). Beijing: Zhonghua shuju, 1956. 9804 p. (in Chinese)].

Чжан Гуанда (張廣達). «Даши» в «Чжунго да байкэ цюаньшу» (大食中國大百科全書). («Даши» в «Энциклопедии Китая»). *Чжунго лиши* (中國歷史; *История Китая*). Т. 1. Пе-

14 Как это делал, например, в 1869 г. некий «мистер Нолтон» (Knowlton), в письме в журнал *The Missionary Magazine*, писавший, что: «иностранцы селились в Китае в разное время, но, прожив там некоторое время, становились жертвами резни (курсив наш. — Д. Д.). Так, мусульмане и другие [представители иных конфессий] поселились в Кантоне в IX в., а в 880 г., по сообщениям, были вырезаны 120 тысяч иностранных поселенцев» [*Eastern China Mission*, 1869, p. 385].

кин–Шанхай, 1992. С. 140–154 [Zhang Guangda. “Dashi” in Zhongguo da baike quanshu. *Zhongguo lishi*. Vol. 1. Beijing–Shanghai, 1992). Pp. 140–154.

Шефер Э. *Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан*. М: Наука, 1981. 608 с. [Schafer E. *The Golden Peaches of Smarkand*. Moscow: Nauka, 1981. 608 p. (in Russian)].

Abramson M. S. *Ethnic Identity in Tang China*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. 288 p.

Abu Zayd al-Sirafi. *Accounts of China and India*. Ed. and tr. by T. Mackintosh-Smith. New York: NYU Press, 2017. 124 p.

Bulliet R. W. *Conversion to Islam in the Medieval Period: An Essay in Quantitative History*. Cambridge: Harvard University Press, London, 1979. 158 p.

Chaffee J. W. *The Muslim Merchants of Premodern China. The History of a Maritime Asian Trade Diaspora, 750–1400*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 223 p.

Dillon M. *China's Muslim Hui Community: Migration, Settlement and Sects*. London: Routledge, 2013. 232 p.

Eastern China Mission. Letter from Mr Knowlton. *The Missionary Magazine*. Boston: American Baptist Missionary Union, 1869. Pp. 384–387.

Ennin. *Ennin's Diary: The Record of a Pilgrimage to China in Search of the Law*. Reischauer E. O. (trans). New York: Ronald Press Company, 1955. 341 p.

Flecker M. A Ninth-Century Arab or Indian Shipwreck in Indonesian Waters. *International Journal of Nautical Archaeology*. 2000. No. 29. Pp. 199–217.

Guy J. The Phanom Surin Shipwreck, a Phalavi Inscription, and Their Significance for the History of Early Lower Central Thailand. *Journal of the Siam Society*. 2017. No. 105. Pp. 179–196.

Hall K. R. *Maritime Trade and State Development in Early Southeast*. Honolulu: University OF Hawaii Press, 1985. 483 p.

Hasan H. *A History of Persian Navigation*. London: Routledge, 1928. 194 p.

Israeli R. *Islam in China*. Washington: Lexington Books, 2002. 339 p.

Jitsuzō K. On P'u Shou-keng, a Man of the Western Regions, Who was the Superintendent of the Trading Ships' Office in Ch'üan-chou towards the End of the Sung Dynasty. *Memoirs of the Research Department of the Tōyō Bunko*. 1928. No. 2. Pp. 1–79.

Levy H. S. *Biography of Huang Ch'ao*. Oakland: University of California Press, 1961. 153 p.

Manguin P.-Y. Trading Ships of the South China Sea. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1993. Aug. Pp. 253–280.

Mi Shoujiang, You Jia. *Islam in China*. Beijing: Chinese Intercontinental Press, 2004. 205 p.

Peterson Ch. A. Court and Province in Mid- and Late T'ang. D. Twitchett (ed.). *The Cambridge History of China*. Vol. 3. *Sui and T'ang China, 589–906*. Pt. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. Pp. 468–486.

Schafer E. Iranian Merchants in Tang Dynasty Tales. *Semitic and Oriental Studies: A Volume Presented to William Popper*. Vol. XI. Berkeley, 1951. Pp. 403–422.

Schafer E. *The Vermilion Bird: T'ang Images of the South*. Berkeley: University of California Press, 1967. 392 p.

Schottenhammer A. Guangzhou as China's Gate to the Indian Ocean: The Importance of Iranian and Arab Merchant Networks for Long-Distance Maritime Trade during the Tang-Song Transition (c. 750–1050). Pt. 1: 750–ca. 900. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 2016. No. 76. Pp. 135–179.

Shapiro S. (ed.). *Jews in old China: Studies by Chinese Scholars*. New York: Hippocrene Books, 2001. 240 p.

Wang Gungwu. The Nanhai Trade: A Study of the Early History of Chinese Trade in the South China Sea. *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*. 1958. No. 31(2). Pp. 1–135.

Wang Zhenping. T'ang Maritime Trade Administration. *Asia Major*. 1991. No. 4.1. Pp. 25–37.

Whitehouse D. Siraf: A Medieval City on the Persian Coast. *Archaeology*. 1970. No. 2. Pp. 141–158.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ /
ELECTRONIC SOURCES

[Ду Ю (杜佑)]. *Тундянь* (通典; *Свод сочинений обо всем*). Цз. 193 [Du You. *Tongdian* (*Comprehensive Institutions*). Juan 193 (in Chinese)]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/通典/卷193> (accessed 08.03.2023).

A Visit to the Phnom Surin Shipwreck Site, Samut Sakorn Province. *SEAArch* (*Southeast Asian Archaeology*). URL: <https://www.southeast-asianarchaeology.com/2015/03/16/a-visit-to-the-phnom-surin-shipwreck-site-samut-sakorn-province/> (accessed 09.03.2023).

Jobrani M. Persian Cat. *Youtube*. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=WwHOBJoASsM> (accessed 09.03.2023).

